

С. С.-Б. Барадиева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

**Гидрографические термины со значением ‘родник’
в монгольских языках**

Аннотация: Объектом исследования являются обозначения родников в монгольских языках, рассматриваемые с точки зрения семантического наполнения и особенностей этимологии. Рассмотрены как производные, так и непроизводные слова, обладающие способностью вступать в синтаксические связи с другими лексическими единицами, тем самым образуя большое количество составных гидрографических терминов. При этом одни лексемы обладают широкой амплитудой колебания значений, другие устойчиво связаны со сравнительно узким кругом значений, т. е. имеют минимальное количество звеньев семантической цепи. Определение возможностей монгольских языков для построения терминологических систем имеет не только национально-историческое, но и интернациональное значение, поскольку процесс номинации обнаруживает универсальные черты. Гидрографическая терминология является надёжным источником для выявления процессов формирования и развития монгольских языков.

The subjects of the paper are hydrographic terms with the meaning ‘spring’ in Mongolian languages, their semantic and etymological features. The paper considers both derivative, and primary words. The words of both types can be combined with other words, thereby forming a large number of compound hydrographic terms. In this case some lexemes have a great variety of meanings, others are connected with a rather narrow range of meanings, i.e. have a minimum number of links of a semantic chain. The determination of the built-in possibilities of the Mongolian languages for the forming of terminological systems is not only of national, but also of international significance because the process of nomination displays universal features. Hydrographic terminology is a reliable source for identifying the processes of formation and development of the Mongolian languages.

Ключевые слова: гидрография, монгольские языки, этимология, словообразование, познание.

Hydrography, Mongolian languages, etymology, word-formation, cognition.

УДК 811.512.36

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. ИМБиТ СО РАН, отдел языкознания. Тел. (3012) 230953 E-mail: sundueva@mail.ru

Монгольские языки отличаются развитой гидрографической терминологией, что объясняется необходимостью подробно и точно обозначать основные водные объекты в связи с кочевым образом жизни монгольских народов. Согласно мировоззрению монгольских народов, от облика ландшафта, в частности гидрографического объекта, близ которого происходит перекочевка, зависит их судьба. Именно ключевая вода наиболее пригодна для питья.

Нами зафиксирован ряд лексем для обозначения родников, наиболее распространенной из которых является п.-монг. *bulay* ‘ключ, источник’ [Kowalewsky,

1844, p. 1186]. Согласно словарю О. М. Ковалевского, лексема также выступает в значениях 'ручей' и 'поток': *bičiqaṅ bulaṅ* 'маленький ручеёк', *türgeṅ bulaṅ* 'быстрый поток' [Kowalewsky, 1844, p. 1186]. В «Тайной истории монголов» она зафиксирована в форме *bulaṅ* в составе гидронима *Ölegei bulaṅ* 'колыбель-родник', в монгольском переводе «Субхашитаратнанидхи», относящемся к рубежу XIII–XIV вв., встречается в форме *bulaṅ* [Tumurtogoo, 2004, p. 240, 245, 249]. В современных монгольских языках: монг. *булаг* имеет значения 'родник, ключ, источник; перен. источник' [БАМРС, I, с. 283], бур. *булаг* 'ключ, родник; барг. топкое место' [БРС, I, с. 150], калм. *булг* 'источник, родник' [КРС, 1977, с. 117].

Термин *булақ* широко представлен в тюркских языках в значениях 'родник; фонтан; ручей; канал, арык; водоём; лужа, болото; замёрзшая наледь у родника; горная долина'. «М. Рясянен и Г. Дёрфер производят *булақ* от глагола *була-* 'течь, вытекать' и квалифицируют монг. *bulag* как тюркизм. Монг. *булаг* заимствовано в эвенк. *болак ~ булак* 'родник; ключ'» [ЭСТЯ, 1978, с. 257–258]. В «Этимологическом словаре алтайских языков» также указывается, что прототюрк. **bulak* 'источник, колодец' перешло в п.-монг. *bulaṅ*, при это прототюркская форма сопоставляется с прототунг. **b[ü]lki-* 'смочить, намочить; плескаться, бить ключом' и протомонг. **bul(ka)-, *bilka-* 'мочить; вытекать из земли (о воде); переливаться, литься через край'. Последняя форма восстановлена на основе монг. *булха-* 'окуна́ть, погружать в воду', *бялха-* 'переливаться, литься, выступать через край'; бур. *булха-* 'полоскать рот', *билха-* 'выступать из берегов', калм. *булх-* 'окунуться' [EDAL 362].

Л. В. Дмитриева предполагает, что лексема *bulag / bulaṅ* является тюрко-монгольской или же очень древним монгольским заимствованием в тюркские языки. Автор с натяжкой принимает предложенную В. М. Иллич-Свитычем ностратическую праформу **bul* 'влажный осадок; муть' и ее составляющие праформы [Дмитриева, 1984, с. 161]. По мнению Е. В. Сундуевой, термин *булаг* имеет звукоподражательную природу и связан с глаголом *булги-* (> *бул-бул ээ-*) 'бить ключом (о роднике)', бур. *булги-* 'выпрыгивать из воды, играть (о рыбе)' (ср. рус. *булькать*) [2010, с. 44].

В работе В. А. Казакевича встречается вариант п.-монг. *bilgiki*, монг. *билгих* 'источник, ключ, вытекающий в нескольких местах' с пометой «Центр. Гоби» [1934, с. 16]. Термин не упоминается в БАМРС и, по всей видимости, является фонетической модификацией лексемы *булаг*, также восходящей к звукоподражательному глаголу *bil gekü / bul gekü* 'бурлить'. В халха-монгольском языке функционирует глагол *бялцрах* 'пузыриться, бить ключом', в котором можно выделить схожий звукоподражательный корень **bilč*. В Южногобийском аймаке представлены топонимы *Билгэх, Талын билгэх* 'степной родник' и *Замын билгэх* 'придорожный родник'.

В монгольском языке термин *булаг* часто сочетается с орографическим термином *шанд* 'впадина, ложбина, где подпочвенная вода находится очень близко к поверхности земли', образуя сложное слово *булаг шанд* 'ключ в ложбине' [БАМРС, IV, с. 340]. Вероятно, в *булаг шанд* значение 'ключ, родник' развилось в результате метонимического переноса на базе 'ложбина как место действия'. Терминами *шанд* и *баянбүрд* 'оазис' обозначается вода, накопившаяся после стекания с близлежащих гор или холмов в местах с близким залеганием подводных течений и образующая небольшие ручьи, родники, болота и озера. Подобные явления не характерны для Восточногогобийского и Южногобийского аймаков, поскольку там ровная местность, однако встречаются в изобилии на южных и северных склонах отрогов Алтайского хребта. Некоторые образования подобного рода со временем превращаются в солончаки.

В монг. *шанд ундраа* 'бьющая из-под земли вода, первые струи воды из источника' [Там же, с. 340] второй компонент образован от глагола *ундрах* 'бить ключом, кипучей неиссякаемой струёй; кипеть, klokотать' (*ундран гарах* 'выби-

ваться на поверхность, бить фонтаном (об источнике)'; *ундран оргилох* 'бить фонтаном, кипеть, клокотать') с помощью словообразовательного суффикса *-aa*. Согласно Большому академическому монгольско-русскому словарю, монг. *ундраа* имеет значения:

- 1) 'способность вновь накапливать воду (о колодце)';
- 2) 'стекло, из которого льют табакерки' [БАМРС, III, с. 334].

Как видно, значения 'родник, источник' не представлено, однако приведенное во второй словарной статье словосочетание *эрдэнэсийн ундраа мэт* 'как из рога изобилия' (досл. 'как родник драгоценностей') свидетельствует о том, что *ундраа* всё же может выступать в значении 'источник, родник'. Глагольная основа *ундра-* также выступает в качестве производящей в терминах *ундрал*, *ундарга* 'дебит воды источника (объем воды, поступающий в источник в единицу времени)'. Лексема *ундрал* также обладает переносным значением 'неиссякаемый источник': *соёлын ундрал* 'неиссякаемый источник культуры' [Там же].

Следующий термин – п.-монг. *rasiyan* 'питьё бессмертия, святая вода; минеральные, целебные воды' [Kowalewsky, 1844, p. 2658], монг. *рашаан* 'аршан, целебная вода, минеральная вода; целебный минеральный источник; уст. святая, живая вода' [БАМРС, III, с. 58], бур. *аршаан* – id. [БРС, I, с. 83], калм. *аршан* – id. [КРС, 1977, с. 52], который в халха-монгольском языке часто сочетается с предыдущим термином: монг. *рашаан булаг*, *булаг рашаан*. В бурятском языке сочетание *аршаан булаг* 'минеральный источник' встречается не так часто: ...*мүнөөхи арюухан ухатай аршаан булагай дэргэдэ эжытэйгээ амтатайхан сай уужа хууна хэбэртэйбди* (Ц. Шагжин). Чаше используется сложное слово монг. *рашаан ус*, в то время как в бурятском языке *аршаан ухан* не встречается.

Термин *рашаан* применим к минеральной воде со степенью минерализации более 1 грамма на литр, пресной водой (*цэнгэг ус*) считается вода со степенью минерализации менее 1 грамма на литр. Различия по температуре воды дают следующие двух- и трехкомпонентные термины:

- 1) *хэт хүйтэн рашаан* 'очень холодный аршан' (< 0 °С);
- 2) *хүйтэн рашаан* 'холодный аршан' (4–20 °С);
- 3) *хүйтэвтэр рашаан* 'довольно холодный аршан' (0–4 °С);
- 4) *бүлээн рашаан* 'тёплый аршан' (20–37 °С);
- 5) *халуун рашаан* 'горячий аршан' (37–42 °С);
- 6) *хэт халуун рашаан* 'очень горячий аршан' (> 42 °С)

[Монгол байгалийн газарзүй].

В тюркских языках функционируют каз. *арасан* 'минеральный источник', алт. *аржан* 'источник, горячий ключ', тув. *аржаан* 'целебный источник, минеральная целебная вода', кирг. *арашан* 'минеральный источник, серный источник, тёплый ключ' [ЭСТЯ, 1974, с. 168]. Как отмечает Э. В. Севортян, тюрк. *арашан* – заимствование из санскрита: *rasāyana*, «проникшего в часть старотюркских диалектов, в дальнейшем вошедших в состав северо-западных и северо-восточных тюркских языков, возможно, через монгольский. Из монгольских языков слово проникло также в маньчжурский язык: *арашан* 'целебная вода'» [Там же, с. 168]. Как видно, максимально приближена к источнику халха-монгольская форма *рашаан*, сохранившая согласный *p* в нехарактерной для монгольских языков позиции в начале слова. Данное явление как раз характерно для санскрита, тибетского языка (например, *равдан* 'весьма прочный', *рагчаа* 'гений-хранитель', *рэгзэн* 'умный' и пр.).

Первым значением монг. *цээл* выступает 'ключ, источник, родник (постоянно бьющий из-под земли)', далее идут 'мочажина, сырое место, где вода никогда не высыхает; озерко, питаемое подземными водами; омут, пучина, глубокое место в воде' [БАМРС, IV, с. 295]. В бурятском языке лексема *сээл* имеет гидрографические значения 'омут, пучина, глубь' [БРС, II, с. 213]: ...*гэнтын аюулай ушарбал, энэ доронь ногообтор хүхэ шэлдэл ялалзагша оёоргүй сээл руу шэнгэшэхэ гээшэ*

губду? (С. Цырендоржиев) ‘...если вдруг возникнет опасность, неужели придётся нам прыгнуть в бездонный омут, переливающийся как сине-зеленое стекло?’

П.-монг. *čegel* ‘место, обильное ключами’, *čegel usun* ‘ключевая вода’, *čegel ču usun-iyar dügürbei* ‘водянистая (низменная) же страна наполнилась водою’, *čegeltü* ‘богатый ключами’ [Kowalewsky, 1844, p. 2124]. Термин трижды встречается в «Тайной истории монголов» в форме *ce’el* в составе устойчивого выражения [Rachewiltz, 2004, p. 18, 66, 142; Козин, 1990; Сокровенное..., 1990, с. 30, 93, 184]:

§ТИМ	Пример	Перевод И. Рахевильца	Перевод С. А. Козина	Перевод П. А. Дарваева
§72	<i>ce’el usun niduralu’a ceügen cilawun cewurelu’a</i>	Глубокая вода пересохла, блестящий камень раз- рушен	Тут ключевые воды пропа- ли, бел- камень трес- нул	Когда светлая вода долбит, то и белый камень колется
§147	<i>ce’el usun-i hoqturu ceügen cilawun ceürü</i>	Чтобы рас- сечь глубокую воду, Чтоб сокру- шить блестя- щий камень	Трясины и топи пройду, с налёту бел- камень про- бью	пока плёс не пересохнет, пока белый камень не раз- рушится
§209	<i>ceügen cila’un-i cewülün ce’el usun-i nitulun</i>	Вы сокрушае- те блестящие камни, вы рассекаете глубокие воды	Бел-камень с налёту про- бьют, трясин- ы и топи пройдут	прокальвая белый камень, переплывая половодье

Примеры показывают, что для лексемы *цээл* наиболее характерно значение ‘глубоководье’. Очевидно, мотив номинации в *цээл* ‘омут, пучина’ схож с *цээл* ‘обширный, необъятный, просторный’ [БАМРС, III, с. 295], бур. *сээл* дано как существительное ‘перен. просторы’: *Сэлэнгэ гэжэ мурэн сээл Байгалда оронол* ‘река Селенга впадает в просторы Байкала’ [БРС, II, с. 213], хотя в приведенном предложении его также можно перевести как ‘обширный’.

Другой гидрографический термин монг. *цувраа* обладает двумя значениями: ‘невысыхающий, всегда наполняющийся водой колодец’ и ‘родник’ [БАМРС, IV, с. 272]. Он образован от глагольной основы монг. *цувра-* ‘течь непрерывно, литься’ с помощью словообразовательного суффикса *-аа*. В бурятском языке термин *хубаря(н)* имеет орографическое значение ‘гряда, цепь’, мотивированное глаголом *хубари-* ‘следовать друг за другом, тянуться’.

Отмечавшийся выше термин монг. *баян бурд* ‘оазис’ состоит из прилагательного *баян* ‘богатый’ и существительного *бурд* ‘озерко, образовавшееся от дождя; лужа, болотце; родник, колодец’. В. А. Казакевич отмечает характерное для Восточной Халхи значение *бурд* ‘топкое место, просто грязь, ил’ [1934, с. 17]. Контаминацию значений ‘родник’ и ‘топкое место’ наблюдаем в бур. *даабари* ‘родник, подводный ключ’ [БРС, I, с. 245] и монг. *даавар* ‘болото’, *даавар газар* ‘топкое место’ [БАМРС, II, с. 1]. В лексемах монг. *даавар*, бур. *даабари* вряд ли возможна связь с глаголом *даа-* ‘быть в состоянии поднять что-л.’ (ср. омоним монг. *даавар*, бур. *даабари* ‘поручение, задание’), скорее, они связаны с п.-монг. *таца* ‘грязное, место, сырое’ [Kowalewsky, 1844, p. 1651], монг. *даац* ‘топкое, болотистое место’ [БАМРС, II, с. 7], *дац* ‘сырое, топкое, болотистое место’ [Там же, с. 42], *тац* ‘трясина; зыбкое, болотистое место’ [БАМРС, III, с. 204].

В рассматриваемом значении в халха-монгольском языке функционирует монг. *задгай ус* ‘открытый водоём; родник, ключ; текучая вода’ [БАМРС, II,

с. 197], где монг. *задгай* ‘открытый, раскрытый’, монг. *ус* ‘вода’. Подобное развитие значения, вероятно, обусловлено тем, что родник воспринимается как место, где земля «открывается» и выпускает свои воды наружу. Как известно, закрытыми водоёмами именуется озера, пруды, старицы рек и т. п. места, в которых отсутствует естественное течение.

Привлекает внимание грамматическое оформление сложного топонима *Далан-Задгад* (название центра Южно-Гобийского аймака Монголии). К югу от города находится множество сильных родников, которые образуют речку и не пересыхают даже в самые сухие годы. Данный ойконим свидетельствует о том, что определение *задгай* без определяемого *ус* самостоятельно выступает в значении ‘родник’ и при этом принимает как субстантив показатель множественного числа -*д*. В целом, как отмечает С. Дулам, числительное *далан* ‘семьдесят’ связано с землей: «*Даваа бүгдээс нь далан эхтэй хүйтэн хар булаг ус нь горхилон урсаад байхад... давхар бүгдээс нь далан эхтэй даргар гөрөөс нь даржигнатал үргээд байхад...*» ‘Когда из каждого перевала холодный черный родник с семьюдесятью истоками вытекает... когда из каждого слоя большой зверь с семьюдесятью головами с треском бросался в сторону...’ [1999, с. 140].

Таким образом, нами рассмотрены как производные, так и непроизводные слова, обозначающие родник в монгольских языках. Эти термины обладают способностью вступать в синтаксические связи с другими лексическими единицами, тем самым образуя большое количество составных гидрографических терминов. При этом одни лексемы обладают широкой амплитудой колебания значений, другие устойчиво связаны со сравнительно узким кругом значений, т. е. имеют минимальное количество звеньев семантической цепи.

Условные сокращения языков

алт. – алтайский язык
бур. – бурятский язык
каз. – казахский язык
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
монг. – халха-монгольский язык
п.-монг. – старописьменный монгольский язык
протомонг. – протомонгольские языки
прототунг. – прототунгусо-маньчжурские языки
прототюрк. – прототюркские языки
рус. – русский язык
тув. – тувинский язык
эвенк. – эвенкийский язык

Условные сокращения источников

БАМРС, I–IV – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М., 2001, 2002. Т. 1–4.

БРС, I–II – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ, 2006, 2008. Т. 1–2.

КРС, 1977 – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977.

ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. М., 1974.

ЭСТЯ, 1978 – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. М., 1978.

EDAL – Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Leiden; Boston, 2003.

Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III.

Tumurtoogo D. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII – XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics / D. Tumurtoogo, G. Cecegdari. Taipei, Taiwan, 2006.

Литература

Дмитриева Л. В. Этимология географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130–177.

Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста, 1990.

Сундуева Е. В. Изобразительная природа гидрографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4, ч. 2. С. 42–45.

Дулам С. Тооны бэлгэдэл зүй // Монгол бэлгэдэл зүй. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1999.

Монгол байгалийн газарзүй. URL: <http://www.slideshare.net/aduuchinhvv/ss-4028835> (дата обращения 05.11.2013).

Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. Leiden; Boston, 2004.